

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ИЗ ЗАМЕТОК
О ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»
(«Корсар в отставке, Морали»)

Первая одесская строфа из будущего «Путешествия Онегина» была впервые опубликована в 1827 г. в составе фрагмента, описывающего шумный южный портовый город с его этнически пестрым населением. Эта строфа неожиданно заканчивается двустишием с весьма загадочной характеристикой одного из городских жителей:

Я жилъ тогда въ Одесѣ пыльной...
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ Югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италиі златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ — Морали.

(Пушкин 1827: 113)¹

В биографическом справочнике о людях из пушкинского окружения про таинственного Морали сказано: «**Морали** (Maure Ali) (род. ок. 1794) — бывш(ий) шкипер коммерческого судна, „неразлучный компаньон“ Пушкина в Одессе. Упомянут Пушкиным в „Путешествии Онегина“» (Черейский 1988: 269)².

Фактические сведения об этой колоритной личности весьма противоречивы, поскольку восходят к поздним воспоминаниям очевидцев. Некоторые мемуаристы просто подтверждают реальность «корсара»: «(...) я видѣлъ однажды, какъ лѣниво двигался по той же Ланжероновской улицѣ фигурирующій въ „Онѣгинъ“

...сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ Морали,

въ своей шитой золотомъ курткѣ и съ арсеналомъ оружія за поясомъ» (Тройницкій 1887: 8—9).

Сведения, доставленные другими очевидцами, расходятся — иногда в частности, иногда по существу, и поэтому полная картина никак не складывается.

Хорошо осведомленный и наблюдательный И. П. Липранди (1790—1880) был первым мемуаристом, сообщившим основные сведения о *Морали* (эти сведения частично повторяются в позднейших источниках). Липранди называл «корсара въ отставкѣ» *маврѣ Али* или чаще просто *Али*: «Этотъ мавръ, родомъ изъ Туниса, былъ капитаномъ, т. е. шкиперомъ коммерческаго или своего судна, человекъ очень веселаго характера, лѣтъ тридцати пяти, средняго роста, плотный, съ лицомъ загорѣлымъ и нѣсколько рябоватымъ, но очень пріятной фізіономіи. Али очень полюбилъ Пушкина, которій не иначе называлъ его какъ корсаромъ. Али говорилъ нѣсколько по французски и очень хорошо по итальянски (...) Пушкинъ мнѣ рекомендовалъ его, присовокупивъ, что — „у меня лежитъ къ нему душа: кто знаетъ, можетъ быть мой дѣдъ съ его предкомъ были близкой родней“» (Липранди 1866: стб. 1471).

Граф М. Д. Бутурлин (1807—1876) в некоторых деталях своих воспоминаний отклоняется от Липранди: «Неразлучнымъ компаніономъ великаго поэта былъ колоссальный полу-Мавръ и полу-Негръ по имени Али, но его звали *Морали* (здесь сам Бутурлин или редактор „Русскаго Архива“ П. И. Бартеневъ делаетъ примечаніе: „Вѣроятно, отъ Французскаго „Maure-Ali““. — И. Д.). Этотъ человекъ былъ повидимому не безъ средствъ существованія, хотя не имѣлъ никакихъ занятій и, сколько помнится мнѣ, подозрѣвали, что онъ нажилъ состояніе будто бы ремесломъ пирата. Ходилъ онъ въ Африканскомъ своемъ костюмѣ съ толстой желѣзной палкой въ рукѣ въ родѣ лома, и помнится мнѣ, что онъ изрядно говори(л)ъ по итальянски» (Бутурлин 1897: 15—16).

Яркий портрет бегло обрисованной у Пушкина фигуры «корсара въ отставкѣ» оставил в своих воспоминаніяхъ племянникъ основателя Одессы И. М. Де-Рибаса — одесскій библиотекарь и журналист М. Ф. Де-Рибас (1807—1882), которій не только опирался на личные впечатленія, но и учитывалъ разнаго рода слухи: «Спросите любаго одессита о *Морали*, и онъ либо пожметъ плечами, либо скажетъ, что Александръ Сергѣевичъ самъ создалъ этого *Морали*, для ривмы. Мнѣ не разъ приходилось слышать еще другое, болѣе „проницательное“ мнѣніе, будто *Морали* есть исковерканная фамилія одного богата-

го одесского негодянта, грека. И тѣ и другіе сильно заблуждаются <...> Это былъ человѣкъ высокаго роста, прекрасно сложенный. Голова была широкая, круглая; глаза большіе, черныя. Всѣ черты лица были правильныя, а цвѣтъ кожи красно-бронзовый. Одежда его состояла изъ красной рубахи, поверхъ которой набрасывалась красная суконная куртка, роскошно вышитая золотомъ. Короткіе шаровары были подвѣзаны богатою турецкою шалью, служившею поясомъ; изъ ея многочисленныхъ складокъ выглядывали пистолеты. Обувь состояла изъ турецкихъ башмаковъ и чулокъ, доходившихъ до колѣнъ. Бѣлая шаль, окутывавшая его голову, прекрасно шла къ его оригинальному костюму <...> Онъ хорошо говорилъ по италіански и никогда не обижался, когда ему напоминали о его прежнихъ корсарскихъ подвигахъ <...> Мнѣ кажется, что первая встрѣча Пушкина съ этимъ африканцемъ не могла не поразить поэта и что, подобно тому какъ какая-то таинственная сила влечетъ человѣка къ розысканію истины, такъ какое-то инстинктивное любопытство должно было возбудить въ Пушкинѣ сильное желаніе узнать, не имѣетъ ли онъ, по своему происхожденію, чего нибудь общаго съ этимъ египетскимъ корсаромъ». «Тогда говорили, что этотъ египтянинъ былъ когда-то корсаромъ, и думали, что онъ обладаетъ несметными богатствами. Но послѣ оказалось, что онъ былъ простымъ искателемъ приключеній, да къ тому еще и отчаяннымъ картежникомъ <...> Вскорѣ распространился по Одессѣ слухъ, что красиваго африканца Морали обыграли одесскіе картежники. Онъ вдругъ безслѣдно исчезъ изъ нашего города, вѣроятно, не подозревая, что великій поэтъ прославилъ его имя и что мнѣ, старику, придется послѣ столькихъ лѣтъ заговорить о немъ» (де Рибас 1887: 110—113) ³.

В рассказе М. Ф. Де-Рибаса читатель XXI столетия может превратно понять слово *шаль*. В Европу оно пришло из Ирана: по-персидски *شال* (*šāl*) означает 'шерстяную материю; шаль', а также 'кушак'; *شال گردن* (*šāl-e gārdān*) — это 'шарф' (буквально «шейная шаль»), а *شال کمر* (*šāl-e kāmār*) — 'кушак' (буквально «поясная шаль») (ПРС: 86); ср. значения турецкого *शल* (*şal*): «1) шаль; 2) кашемир (ткань); 3) кушак» (Магазаник 1931: стб. 954). Аналогичный круг значений это заимствование сохранило в языках Восточной Европы. В чешском словом *šál, šála* и поныне называют не только шаль, но и шарф (ЧРС: 398). В словацком *šál* (муж. р.) означает 'шарф, кашне' (СРС: 512). В польском существительное муж. р. *szal* соответствует русскому *шаль*, а его уменьшительная форма *szalik* имеет значение 'шарф, кашне' (Hessen, Styrula 1967: 1027). В белорусском слово *шаль* также употребляется в двух значениях: 'шаль' и 'шарф' (БРС: 1019). Современ-

менные словари не указывают, что по-русски этим словом в свое время обозначались 'кушак' и 'чалма'. Одно из этих значений отражено в дефиниции «Полного словаря иностранных слов» 1861 г.: «**Чалма**, тур. Кусокъ ткани или шаль, свернутая около головы и служащая головнымъ уборомъ у восточныхъ народовъ» (ПСИС: 552). Слову *шаль* в этом словаре придается уже иное значение: «Женскій платокъ, приготовленный изъ шерсти Ангорскихъ овецъ» (ПСИС: 553).

В русском языке начиная уже со второй трети XIX в. круг значений слова *шаль* ограничивается. В «Общем Церковно-Славяно-Российском словаре» П. И. Соколова, где впервые в отечественной лексикографии зафиксировано это слово, оно получает такое определение: «**Шаль** (...) Длинный платокъ» (Соколов 1834, II: стб. 1717). То же значение фиксирует академический словарь 1847 г.: «**ШАЛЬ** (...) Длинная и широкая ткань, носимая женщинами на плечахъ вмѣсто платка. Турецкая шаль. Шелковая шаль» (СЦСРЯ: 448). Отсюда — явно неправильное понимание слова *шаль* в неоромантическом рассказе П. Муратова «Морали»: «В складках турецкой шали, заменявшей пояс, помещались кривой кинжал и несколько пистолетов» (Муратов 1923: 11). Турецкая шаль в экипировке Морали не «заменяла» пояс, а была специально предназначена для подпоясывания — она была, собственно, поясом, кушаком. Эта деталь туалета проникла в русский домашний быт — так, в «Египетских ночах» Чарский предстает «надменным dandy (...) в холатой парчевой скуфейке, в золотистом китайском халате, опоясанном турецкой шалью» (Пушкин 1940, 8: 266).

Но кем же всё-таки был Морали — мавром (мориском), чернокожим африканцем, арабом или греком? Не исключено, что все эти ответы не верны, и ключ к разгадке может дать имя героя.

Хотя в заключительном стихе первой одесской строфы персонаж обозначен как Морали, пушкинисты часто называют его личным именем Али, иногда прибавляя этноним мавр (Али) и указывая французский аналог: *Maure Ali*⁴. Противоречия в характеристике пушкинского прототипа подтверждаются работой поэта над строфой, в черновике которой читаем: *И ты Отелло-Морали* (Пушкин 1937, 6: 465 примеч. 9а), — таким образом, Морали этнически отождествлялся с шекспировским «венецианским М а в р о м». В другом варианте текста среди прохожих на одесских улицах встречаются

Гишпанец и беспечный раб
И сумрачный корсар-араб.

(Пушкин 1937, 6: 465 примеч. 9б)

Впоследствии *Гишпанец* перекочевал в стих 11 (обретя в печатном тексте облик *Испанца*), а *сумрачный корсар-араб* был заменен *корсаром* в отставке, *Морали*.

Нужно отметить, что значение слова *араб* в этом контексте не нашло отражения ни в «Словаре языка Пушкина» (1956—1961), ни в «Новых материалах» к нему (1982), механически присоединенных к основному корпусу во втором издании Словаря (2002), составители которого приняли как руководство к лексикографическому осмыслению пушкинской речи позднее замечание поэта из его письма к П. А. Вяземскому (1835—1836) о необходимости различать слова *араб* и *арап*:

«Араб (женского р.(ода) не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. Караван был разграблен степными арабами.

Арап, ж.(енский род) арапка, так обыкновенно называют негров и мулатов. Дворцовые арапы, негры, служащие во дворце. Он выезжает с тремя нарядами арапами.

Арапник, от польского Herapnik (de harap, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. Reiff). NB harap vient de herab.

А право, не худо бы взяться за Лексикон, или хоть за критику лексиконов» (Пушкин 1949, 16: 208).

Варирующееся *араб/арап* употреблялось в допушкинское и пушкинское время в двух значениях (ср. СЯ XVIII: 85): 1. 'чернокожий, негр' (синонимы: *евіопъ, ивіопъ, муринъ, негръ, чернышъ*); 2. 'житель Аравии, араб' (синоним — *аравитянинъ*). Суждение Пушкина о необходимости различать слова *араб* и *арап* были реакцией на их смешение, которому, как видим по черновику «Онегина», был не чужд и сам поэт. В рассматриваемом черновике приложение *корсар-араб* синонимично слову *негр*, что косвенно подтверждается толкованием слова *арабъ* в словаре Ф. И. Рейфа, упомянутом в письме Пушкина к Вяземскому:

«АРА́БЪ (ar. 'arab (عرب), Arabe), *sm.* un nègre; —ábka, *sf.* une négresse.

Ара́бскій, ая, ое, *adj.(.)* d'Arabie; —ская *живопись*, une arabesque (...)

АРА́ПНИКЪ (pol. herapnik, de harap, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie, de l'all. herab, à bas) (...) *sm.* chambrière, long fouet de manège» (Рейф 1835: 10—11).

Лексикографические заметки Пушкина станут нам вполне понятны, если мы сравним их также с материалами Соколова:

«АРА́ПКА (...) *Негритянка, чернотълая женщина (...)*

АРА́ПНИКЪ (...) *Длинная плеть безъ кнутовища (...)*

АРА́ПЪ ⟨...⟩ Въ просторѣчїи такъ называютъ Негровъ, людей чернотѣлыхъ» (Соколов 1834, I: стб. 21).

Пушкин обратил внимание на противоречия между двумя словарями и предложил удачный выход, найденный еще во время работы над «Арапом Петра Великого» (1827). Четверть века спустя друг Пушкина В. И. Даль настойчиво напоминал: «*Арапа* нельзя смѣшивать съ *арабомъ*, *аравитяниномъ*, какъ и производныя: *ара́пскїй*, *ара́бскїй* и др.» (Даль 1863: 18). Различие между аравитянами и неграми выражалось с помощью прилагательных *белые* и *черные* (Чернышев 1935: 396—397). В связи с этим нельзя не указать на ошибочное и, мягко говоря, наивное толкование «Словаря русского языка XVIII века»: «Б е л ы е а р а б ы. *Негры-альбиносы*» (СЯ XVIII: 85). Не исключено, что написание *араб* вместо ожидаемого *арап* в черновике первой одесской строфы онегинского путешествия обусловлено стремлением поэта к «глазной» рифме.

В черновике Пушкин дал поначалу такую характеристику «корсара»: *И беглый сын родной земли*. Затем выражение *беглый сын* при расплывчатом генитивном атрибуте *родной земли* заменяется загадочным *черный гость* (*И черный гость родной земли*). Это решение было отброшено как явно неудачное и уступило место определению, привязывающему «корсара» к Египту: *И враг Египетской земли* (Пушкин 1937, 6: 465 примеч. 9г, 9д, 9е). В окончательной редакции *враг Египетской земли* становится ее **сыном**. В результате *Отелло-Морали* превращается в египтянина, переместившись с запада Африки на восток (хотя и в пределах тогдашней Османской империи).

Сопоставление этих материалов, трудно согласующихся между собой, позволяет сделать ряд выводов, объясняющих возникшее недоразумение. В загадочном имени *Морали* вряд ли следует видеть композит — сочетание французского этнонима *Maure*, *More* ‘мавр’ с широко распространенным мусульманским именем **عَلِيّ** ‘Alī (арабского происхождения). Скорее это не что иное, как турецкое именование жителя Морей (Пелопоннеса) *Моралы* (*Morali*), которое в качестве антропонима означало ‘человек родом из Морей, морец’ (изменение *лы* > *ли* связано, вероятно, с посредством французского или итальянского языка). Турецкое слово **مورالی** (или иногда **مورالی**), называющее жителя или уроженца Морей-Пелопоннеса (совр. тур. *Mora*), встречается, например, в авторской подписи под планом атаки турецкого флота на Киев конца XV — начала XVI вв.: **مورالی ایلیاس** (*Morali İlyās*, *Моралы Ильяс*), то есть *Ильяс Морец* (Абрагамович 1969: 83—84).

Турки, кстати сказать, были такой же этнографической приметой Одессы, как итальянцы или греки. 5 декабря 1830 г. М. П. Розберг описывал Пушкину Одессу, пересыпая письмо реминисценциями из «Евгения Онегина»: «⟨...⟩ надо вам сказать, что Одесса совсем уже не такова, как была при вас. Правда, здесь та же пыль, хотя менее грязи; те же очаровательные звуки Россини кипят и блещут в Опере; те же славяне, греки, итальянцы, турки на улицах ⟨...⟩ Одессу в настоящем ее состоянии можно сравнить с пестрою турецкою шалью: яркие цветà, резкие черты ⟨...⟩» (Пушкин 1941, 14: 132).

Любовь к турецким элементам в одежде нашего «египтянина» (башмаки, шаль) вместе с турецким именем *Моралы* позволяют видеть в «отставном корсаре» турка из Египта, чье имя подверглось «народной этимологизации» у И. П. Липранди. В этом отношении можно провести параллель между фамильным именем *Моралы / Морали* и личным именем, которое фигурирует в стихотворном наброске Пушкина «Кирджали» (1828) и в одноименной повести (1828): «Кирджали был родом болгар. Кирджали на турецком языке значит витязь, удалец. Настоящего его имени я не знаю» (Пушкин 1940, 8: 255). Вероятно, Пушкин сознательно романтизировал главного героя повести, потому что в балканских языках устаревшее ныне слово *кърджали* употребляется преимущественно в качестве наименования грабителя: болг. *кърджалия* «м. истор. преим. мн. Кърджали, турецкие солдаты — разбойники конца 18-го и начала 19-го века» (Чукалов 1957: 353; ср. Геров 1897: 445); схр. *кърцалија* «уст. разбойник» (Толстой 1970: 228); рум. *cârjalii* (мн. ч. *cârjalii*) «уст. негодяй; шарлатан» (РРС: 136); молд. *кържаліу* (мн. ч. *кържалій*) «уст. разбойник, грабитель» (МРС: 333)⁵.

В. А. Гордлевский (1951: 266 и далее) указал, что этот балканский турцизм (?), не отмеченный русскими словарями (в том числе новейшим «Словарем русского языка XVIII века»), был известен и в допушкинскую эпоху. Так, турецкого великого визиря Гази Хасан-пашу, который в 1770 г. отбил у русских остров Лемнос и потому вызывал у Екатерины II неприятные чувства, императрица в письме к Г. А. Потемкину от 19 марта 1790 г. честит малоизвестным бранным словом *кирджали* 'разбойник'. Издатели письма приняли это слово за имя собственное: «Хотя визирь Кирджали желает мира, но извѣстно тебѣ уже, что въ Цареградѣ согласились заключить союзъ наступательный и оборонительный съ прусскимъ королемъ ⟨...⟩» (Екатерина II 1876: 409). Рассказывая о своем заграничном путешествии 1804 г., ученый-

славист А. С. Кайсаров употребляет это слово в другом фонетическом облике и тут же поясняет его: «Керчали или разбойники отлично одфваются, они владѣють всѣмъ городомъ, повелѣвають пашамъ (...)» (Истрин 1915: 77). Вместе с Кайсаровым путешествовал А. И. Тургенев, в чьей переписке мы обнаруживаем еще один вариант интересующего нас слова, которое издатели не смогли правильно прочесть. Вместо *кер(д)жалии* они напечатали *Керфалии*, истолковав имя нарицательное как топоним: «В Белграде и днем опасно ходить. Завладели им разбойники Керфалии, держат пашей под караулом (...) В городе все идет вверх тармашки. Разбойники Керфалии ходят и днем и ночью вооруженные (...)» (Тургенев 1939: 42—43).

С устаревшим балканским именованием разбойника тесно связан реальный южноболгарский топоним *Кърджали* (*Кърджали*); эти имена до сих пор не имеют общепринятой научной этимологии (ср. Гордлевский 1951; Skok 1972: 187; БЕР: 200—201; Cioănescu 2002: 200)⁶. Характерно, однако, что традиционная этимология возводила указанный топоним к имени турецкого военного предводителя Кырджа Али (см. Гордлевский 1951: 265—266 и др.). Таким образом, конечная часть слов *Морали* и *Кирджали* в народной этимологии легко переосмыслялась: из них выделялось мусульманское имя *Али*, что подчас приводило к недоразумениям. Пелопоннесские (морейские) корни *Морали* (*Моралы*), которые подтверждаются этимологической связью его фамильного прозвания с югом Греции — Мореей, вероятно, породили в Одессе слух о греческом происхождении «корсара в отставке». Этот слух, зафиксированный М. Ф. Де-Рибасом, был им тут же отвергнут.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В окончательном тексте пунктуация последнего стиха иная: (...) *Корсаръ въ отставкѣ, Морали* (Пушкин 1837: 303).

² Намного подробнее см. Алексеев 1927: 24 [s. v. «**Али** (*Морали*, от *Maure ali*)»], 95.

³ Не вполне достоверные сведения о *Морали* сообщает известный поэт-переводчик, художник, журналист, историк и пушкинист Н. В. Берг (1823—1884): «Упоминаемый Пушкинымъ „сынъ Египетской земли, корсаръ въ отставкѣ, М о р а л и“ — историческое лицо, чуть-ли не живущее дониндъ (1884 г.) въ Одессѣ, гдѣ онъ пристроилъ очень выгодно своихъ дочерей, а сыновьямъ далъ серьезные капиталы. Я зналъ одного изъ его внуковъ, гусара, который получалъ 300.000 рублей ежегоднаго дохода» (Берг 1891: 591). В «Материалахъ для биографическаго словаря одесскихъ знакомыхъ Пушкина», составленныхъ Кружкомъ одесскихъ пушкинистовъ, отмечено: «В рассказе Берга много фантастическаго» (Алексеев 1927: 95).

Крайне маловероятным кажется предположение современного одесского литератора О. И. Губаря, что «корсаром в отставке» Пушкин назвал капитана брига «Элиза» Гаэтано Морали (Morali? Morali?), который «15 июня 1824 г. привел судно в балласте из Константинополя, а 24 июля ушел в Геную с грузом пшеницы» (Строганов 2004, 128). М. В. Строганов вслед за Губарем полагает, что к заезжему капитану «можно отнести все характеристики, которые обычно связывались с именем мавра Али» (Строганов 2004, 128). Это не так: во-первых, неясно, отчего капитан торгового судна пожалован в отставные корсары, а, во-вторых, Пушкин говорит о Морали как о постоянном жителе Одессы.

⁴ М. В. Строганов почему-то считает, что, передавая имя *Морали* кириллицей, «Пушкин специально вполне точно передает дурное французское произношение своего приятеля» (Строганов 1999: 537). Значит ли это, что «корсар», рекомендуя себя, представлялся мавром и притом говорил по-французски с русским акцентом?

⁵ В известных нам турецких словарях соответствующее слово не зафиксировано.

⁶ Так, болгарское *кърджалия* в некоторых диалектах получает форму *кърджелія* (Геров 1897: 445; БЕР: 201). Это обстоятельство пока не получило удовлетворительного объяснения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрагамович, З.: 1969, 'Старая турецкая карта Украины с планом взрыва днепровских порогов и атаки турецкого флота на Киев', *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*, Москва, [вып.] II, 76—97.
- Алексеев, М. П.: 1927, 'Материалы для биографического словаря одесских знаковых Пушкина: Составлено Кружком одесских пушкинистов', *Пушкин: Статьи и материалы*, Под редакцией М. П. Алексеева, Одесса, вып. III, 19—97.
- БЕР — *Български етимологичен речник*, Редактор В. И. Гергиев, София 1982, т. III, свезка XXI/XXIII: Кутрѝто — ластѝн.
- Берг, Н. В.: 1891, 'Посмертные записки', *Русская Старина*, т. LXIX, кн. III, 579—600.
- БРС — *Беларуска-рускі слоўнік*, Пад рэдакцыяй акад. АН БССР К. К. Крапівы, Масква 1962.
- Бутурлин, М. Д.: 1897, 'Записки графа М. Д. Бутурлина. 1824—1827', *Русский Архив*, кн. II, № 5, 5—74.
- Геров, Н.: 1897, *Рѣчникъ на блѣгарскѣй языкъ*, ч. II: Е — К, Пловдив.
- Гордлевский, В. А.: 1951, 'Кто такой Кирджали? (Историко-фольклорный комментарий)', *А. С. Пушкин. 1799—1949: Материалы юбилейных торжеств*, Москва — Ленинград, 261—281.
- Даль, В. И.: 1863, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва, ч. I: А — Э.
- Де Рибас, М.: 1887, 'Рассказы Одесского старожила', *Отзывы о Пушкине с юга России: В воспоминание пятидесятилетия со дня смерти поэта 29-го Января 1887*, Собрал В. А. Яковлев, Одесса, 110—121.

- Екатерина II: 1876, 'Императрица Екатерина II и кн. Потемкин. Подлинная переписка: (Из сборника профессора Николаевской Акад. Ген. Штаба П. С. Лебедева)', *Русская Старина*, т. XVII, кн. XI, 403—426.
- Истрин, В. М.: 1915, *Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году*, Под редакцией В. М. Истрина, Петроград (= Архив братьев Тургеневых; Вып. 4).
- Липранди, И. П.: 1866, 'Из дневника и воспоминаний: Заметки на предыдущую статью [П. И. Бартенева]', *Русский Архив*, № 8, стб. 1213—1284; № 9/10, стб. 1393—1491.
- Магазаник, Д. А.: 1931, *Турецко-русский словарь*, Составил Д. А. Магазаник, При участии А. Б. Абдурахманова и И. В. Левина, Под редакцией проф. В. А. Гордлевского, Москва.
- МРС — *Молдавско-русский словарь*, Москва 1961.
- Муратов, П.: 1923, *Морали: Рассказы*, Берлин.
- ПРС — *Персидско-русский словарь: В 2 т.*, Под редакцией и с предисловием Ю. А. Рубинчика, С приложением грамматического очерка персидского языка, Москва 1970, т. II: От *س* до *ی*.
- ПСИС — *Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*, С.-Петербург 1861.
- Пушкин, А.: 1827, 'Одесса: (Из седьмой главы *Евгения Онегина*)', *Московский Вестник*, ч. II, № VI, 113—118.
- Пушкин, А.: 1837, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, Издание 3-е, С.-Петербург.
- Пушкин: 1937—1949, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград] 1937, т. 6; 1940, т. 8, [кн.] 1; 1941, т. 14; 1949, т. 16.
- Рейф, Ф. И.: 1835, *Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка*, С.-Петербург, т. I: А — О.
- РРС — *Румынско-русский словарь*, Под редакцией Б. А. Андрианова и Д. Е. Михальчи, С приложением краткого грамматического очерка румынского языка (>) составленного проф. М. В. Сергиевским, Москва 1953.
- Соколов, П. И.: 1834, *Общий Церковно-Славяно-Российский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в Церковно-Славянском и Российском наречиях употребляемых..., составленное П. С....*, С.-Петербург, ч. I—II.
- СРС — Коллар, Д., В. Доротьякова, М. Филкусова, Е. Васильева, *Словацко-русский словарь*, Москва — Братислава 1976.
- Строганов, М. В.: 1999, 'Корсар', *Онегинская энциклопедия*, Москва, т. I: А — К, 536—537.
- Строганов, М. В.: 2004, 'Морали', *Онегинская энциклопедия*, Москва, т. II: Л — Я; А — Z, 128.
- СЦСРЯ — *Словарь Церковно-Славянского и Русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук*, С.-Петербург 1847, т. IV.
- СЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*, Ленинград 1984, вып. 1: А — Безпристрастие.

- Толстой, И. И.: 1970, *Сербскохорватско-русский словарь*, Составил И. И. Толстой, Издание 3-е, исправленное и дополненное, Москва.
- Тургенев, А.: 1939, *Письма Александра Тургенева Булгаковым*, Подготовка текста писем к печати, вступительная статья и комментарии А. А. Сабурова, Под редакцией И. К. Луппола, Москва.
- Тройницкий, Н.: 1887, 'По поводу статьи «Одесского Вестника» 1837 года о смерти Пушкина', *Отзывы о Пушкине с юга России: В воспоминание пятидесятилетия со дня смерти поэта 29-го Января 1887*, Собрал В. А. Яковлев, Одесса, 7—13.
- Черейский, Л. А.: 1988, *Пушкин и его окружение*, Издание 2-е, дополненное и переработанное, Ленинград.
- Чернышев, В. И.: 1935, 'Темные слова в русском языке', *Академия наук СССР академику Н. Я. Марру*, Москва — Ленинград, 393—407.
- ЧРС — *Чешско-русский словарь: В 2 т.*, Под редакцией Л. В. Копецкого и Й. Филиппа, Москва — Прага 1973, т. 2: R — Ž.
- Чукалов, С.: 1957, *Българско-руски речник*, 2-о издание, допълнено и преработено, София.
- Sioarănescu, A.: 2002, *Dicționarul etimologic al limbii române*, București.
- Hessen, D., R. Stypuła: 1967, *Wielki słownik polsko-rosyjski*, Warszawa — Moskwa.
- Skok, P.: 1972, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Uredili akademici M. Deanović i L. Jonke, Zagreb, knj. 2: K — poni¹.